

Конференция «Традиционная культура российского города как объект междисциплинарных исследований» (XIV международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир»)

Конференцию «Славянская традиционная культура и современный мир», которую ежегодно проводит Государственный республиканский центр русского фольклора (Москва), можно отнести к редким для отечественной фольклористики мероприятиям-«долгожителям»: 26–28 мая 2009 г. она проходила уже в четырнадцатый раз. Можно сказать, что за это время конференция «обрела свое лицо»: обычно в ее работе принимает участие много исследователей из регионов России и ближнего зарубежья, а ежегодная тема формулируется достаточно широко, чтобы привлечь внимание большого круга представителей различных научных дисциплин (фольклористов, антропологов, этнографов, социологов и т.п.).

Такая «всеохватность» конференции имеет свои плюсы и минусы. В минусы следует записать некоторую аморфность структуры мероприятия, неровный научный уровень докладов, непонимание, периодически возникающее между участниками, представляющими, мягко говоря, различные научные школы. К плюсам можно отнести методологический плюрализм и напряженность дис-

Михаил Дмитриевич Алексеевский
Государственный республиканский
центр русского фольклора,
Москва
alekseevsky@yandex.ru

Михаил Лазаревич Лурье
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Санкт-Петербургский университет
культуры и искусств
mlurie@inbox.ru

куссий, возникающих после многих докладов, а также то обстоятельство, что, оценивая результаты конференции, можно делать осторожные выводы относительно методологических подходов и степени и характера разработки той или иной темы в фольклористике / культурной антропологии России и ближнего зарубежья, причем не только в столичных центрах.

В 2009 г. конференция «Славянская традиционная культура и современный мир» имела подзаголовок «Традиционная культура современного города как объект междисциплинарных исследований». Данную тему сложно назвать новаторской: хотя отечественные фольклористика и этнография долгое время были преимущественно ориентированы на изучение крестьянской культуры, исследовательский интерес к городским традициям, обрядам, фольклору резко вырос более двух десятилетий назад и с тех пор не ослабевал. Наиболее репрезентативно итоги раннего этапа этих исследований были представлены в монументальной коллективной монографии «Современный городской фольклор» (М.: РГГУ, 2003), которая уже сейчас смотрится почтенной и местами несколько наивной «классикой».

В то же время очевидно, что это исследовательское поле настолько безгранично, а научные подходы к нему столь многочисленны, что ни о каком исчерпании темы не может быть и речи. Выбирая для очередного форума урбанистическую тему, организаторы хотели максимально широко представить основные методы изучения культуры города, определить, какие подходы используют и с какими проблемами сталкиваются исследователи, какие темы пользуются у них популярностью, а где, напротив, наиболее явно зияют «белые пятна».

Итоги конференции можно считать весьма показательными. С одной стороны, стало очевидно, что в настоящее время в антропологических штудиях, касающихся современных городских традиций, не существует ни какой-либо одной лидирующей научной школы, ни четко отрефлексированных методологий. С другой стороны, докладов, которые казались уж совсем ни на что не похожими или вообще не соотносились с проблемным полем антропологии города, а просто включали в себя слово «город» или «городской», было все-таки не критическое количество. Основная часть выступлений позволила составить представление о существующих направлениях в современных городских исследованиях.

Тематическую близость отдельных докладов можно было предсказать еще по названиям (на этом принципе и основывалась программа), но нам показалось, что значительно интереснее попытаться увидеть в различных выступлениях не общие темы, а сходные наблюдения и суждения — где-то это коррелирует

с характером материала, а где-то нет. В настоящем обзорном очерке мы не ставим перед собой задачи пересказать все доклады и упомянем лишь те из них, которые, на наш взгляд, отражают используемые в современной науке подходы к анализу городского материала и направления его интерпретации.

Следует отметить, что среди докладов, которые мы выводим за рамки рассмотрения, было немало интересных выступлений, вызвавших оживленные дискуссии. Одно из них — пленарный доклад **Александра Панченко** (Санкт-Петербург) «Религиозная культура современного города и концепция метанарратива» о советских корнях современных оккультных движений, в котором автор предложил использовать для описания устойчивых в культуре «общих идей» вместо понятия «миф» понятие «метанарратив», разработанное в свое время Ж.-Ф. Лиотаром; активно обсуждались выступления **Никиты Петрова** (Москва) и **Ирины Козловой** (Санкт-Петербург), анализировавших образ города в русской эпической поэзии — былинах и новинах; доклад **Светланы Просинной** (Москва) «“Приличие” и “шик” в современной одежде провинциального города» по вполне понятным причинам спровоцировал море комментариев мемуарного характера. Эти и некоторые другие доклады конференции безусловно заслуживают отдельного разговора, однако в данном обзоре ему места не нашлось: все они либо не имели прямого отношения к проблемам антропологии города, либо не находили «собратьев по методологии» среди других выступлений.

* * *

Пожалуй, наиболее типичный для отечественной фольклористики и этнографии подход к изучению городских традиций основан на противопоставлении особенностей «традиционной» и «городской» культуры. В этом отношении показательным оказался пленарный доклад **Варвары Добровольской** (Москва) «Особенности бытования традиционных нормативов в современной культуре города», в котором анализировались различия в репертуарах и конкретных редакциях прескрипций и запретов, зафиксированных в городах и деревнях Владимирской области. Как показала В. Добровольская, представление о том, что такого рода нормативы более характерны для сельской среды, нежели для города, не соответствует действительности. Анализ «городских» примет и запретов, собранных автором, был основан на сравнении этого корпуса текстов с «традиционным» материалом, записанным от крестьян. Особое внимание уделялось трансформации устойчивых объяснений этих нормативов, происходящей в городской среде.

Весьма далеким от выступления В. Добровольской по материалу, но неожиданно близким по подходу оказался доклад **Дины Писаревской** (Москва) «Трансформация форм традиционной и урбанистической культуры в субкультуре ролевых игр». Речь шла о тех изменениях, которые претерпело это молодежное движение со времени своего становления в начале 1990-х гг. (эпоха «хоббитских игр») до настоящего момента, когда ролевые игры превращаются в хобби. Эти сдвиги, касающиеся отношения участников к игре, характеру их взаимодействия в сообществе и т.п., интерпретируются автором как переход от моделей, свойственных традиционной культуре, к моделям культуры урбанистической. Так, например, тот факт, что на начальном этапе развития субкультуры мастера выдавали роли на игру лишь лидерам команд, а сейчас для каждого игрока готовятся подробные персональные вводные, автор доклада рассценивает как свидетельство того, что коллективистское начало уступает место индивидуализму, который, по ее мнению, характерен не для «традиционной», а для «урбанистической» культуры.

Оппозиция, положенная в основу рассуждений обоих докладчиков, сама по себе уже стала традиционной для отечественных исследований в области антропологии города и городского фольклора. При этом определение «традиционная» понимается как синоним к «крестьянская», а «городская» должно читаться как «современная». И в этой оппозиции, и в этой корреляции (оставим в стороне содержание самого понятия «традиционная культура»), как кажется, есть какая-то изначальная путаница и логический сдвиг. Куда отнести, скажем, приметку о черной кошке и почему нужно интерпретировать специфику коммуникации в сообществе ролевиков через конструкт «традиционной культуры», к которой, в таком ее понимании, данная субкультура не имеет никакого отношения? На наш взгляд, оба доклада — пример того, как вдумчиво собранный полевой материал и интересные наблюдения интерпретируются посредством фантомных категорий и шаблонных установок.

Альтернативный подход к изучению городских традиций был сформулирован в пленарном выступлении **Михаила Лурье** (Санкт-Петербург) с претенциозным названием «Что такое локальный текст города (и причем здесь фольклор)». Докладчик рассказал об истории интереса к локальным текстам и локальным мифам в отечественной науке — от «петербургского текста» В.Н. Топорова до исследований культуры провинциальных городов, предпринятых в последние годы. Он предложил в контексте антропологических исследований понимать локальный текст как систему ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, свя-

занных с местом и актуальных для общего знания сообщества, идентифицирующего себя с этим местом.

В нескольких докладах на конференции сходные методологические установки были использованы при анализе конкретного материала. **Ольга Белова** (Москва) в докладе «Сатанов: миф о подольском местечке в современных нарративах» на материале новых полевых записей рассмотрела корпус исторических и топонимических легенд, связанных с поселком Сатанов Городокского района Хмельницкой области Украины; особое внимание было уделено устойчивым стереотипам в восприятии как отдельных локусов, так и поселения в целом. Если работа О. Беловой в целом может быть отнесена к фольклористике, то доклад **Элеоноры Шафранской** (Москва) «Ташкентский текст в русском фольклорно-литературном дискурсе» тяготеет к литературоведению. Используя в качестве отправной точки концепцию «петербургского текста», автор пытается вычлнить доминанты ташкентского текста по произведениям Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.С. Неверова, А.И. Солженицына, Д.И. Рубиной, в качестве дополнительного материала задействованы результаты Интернет-опроса об устойчивых ассоциациях, связанных с этим городом. Хотя Э. Шафранская претендует на то, чтобы вычлнить «фольклорно-литературно-мифологический слой», связанный с Ташкентом в русской культуре, для анализа фольклорно-мифологического компонента ей явно не хватает материала (блиц-опрос в блогах дает любопытные, но скромные по объему результаты). Таким образом, к традиции антропологического исследования локального текста работа автора имеет скорее косвенное отношение.

Наиболее интересным примером практического применения методов изучения локального текста следует признать выступление **Григора Григорова** (Благоевград, Болгария) «Историческая память в устных нарративах из самого малонаселенного города Болгарии». В центре внимания исследователя — исторические предания, связанные с прошлым Мелника, болгарского города, население которого составляет всего несколько сотен человек. Г. Григоров не только выделил основные сюжетные схемы этих преданий, но и проанализировал их прагматику: для некогда развитого города, который так и не смог оправиться от последствий пожара 1912 г., нарративы о славном прошлом становятся одним из механизмов поддержания престижного «городского» статуса, подпитывая локальный патриотизм.

Доклад Г. Григорова интересен тем, что, в отличие от многих исследований в данной области, он включает в себя не только

описательные, но и объяснительные модели анализа материала. Думается, что именно в этом направлении и должно развиваться изучение локального текста. Исследователи не должны останавливаться на вычлениении доминант локального текста и описании его специфики, гораздо важнее найти возможность их интерпретации.

Нужно признать, что большинство докладов на конференции, напротив, демонстрировали популярность в отечественной науке описательного подхода при изучении городской культуры. Нередко причина этого методологического перекоса была очевидна — сила научной традиции, задающей правила работы с собранным материалом. Так, некоторые доклады явно были ориентированы на методологические установки краеведения, дисциплины, сильно тяготеющей к описательности. Для краеведения локально ориентированный фольклор является второстепенным материалом по сравнению с фактами «местной истории»; лишь в редких случаях краеведы анализируют эти тексты, обычно дело ограничивается их сбором, общим описанием и систематизацией.

Наиболее показательным в этом отношении стал доклад **Татьяны Быструшкиной** (Тара) с характерным названием «Тара — бывший уездный город в преданиях, легендах и устных рассказах», добротное, хорошо систематизированное изложение сюжетов преданий и легенд, связанных с городом и отдельными его локусами. Обсуждая значение этих материалов, автор отметила, что их главная ценность заключается в том, что они отражают «народный взгляд» на события прошлого, который часто отличается от «официальной версии» историков. Не вдаваясь в дискуссию о правомерности интерпретации преданий как «народного взгляда» на исторические события, отметим, что никакого анализа специфики городской фольклорной традиции такой подход не подразумевает. Для краеведа исторический факт всегда первичен, а фольклорный текст расценивается как субъективный «устный рассказ» о нем, который имеет скорее вспомогательное значение.

Доклад **Екатерины Белецкой** (Тверь) «Фольклор грозненской семьи в культурном пространстве провинциального города» был посвящен семейному фольклору и представлял образец автоэтнографии (или, скорее, автофольклористики). Перспективная идея проследить, как осуществлялась в городской среде передача фольклорных текстов из поколения в поколение, к сожалению, не была реализована в докладе, который превратился в систематизированное изложение любопытного, но совсем разнородного материала (в диапазоне от детских считалок до анекдотов про Брежнева). Глубоко личное, очень эмо-

циональное отношение к предмету исследования помешало докладчику проанализировать его, поэтому доклад получился крайне описательным.

В последние годы все чаще появляются исследовательские сюжеты, посвященные случаям целенаправленного участия институций (властных, коммерческих, педагогических и т.д.) в порождении и подержании различных форм «народной культуры». Эта тенденция отчасти связана с ростом интереса к советским и постсоветским повседневным и празднично-ритуальным практикам и, шире, к новым традициям; а отчасти является следствием нарастающего скептицизма ученых по отношению к самим категориям «народного», «низового», «спонтанного» в применении ко многим культурным явлениям и процессам.

Подобным сюжетам были посвящены два доклада. Один из них, сделанный **Михаилом Матлиным** (Ульяновск), — «“Замки счастья” на мосту влюбленных: об одной новации в современной городской свадьбе» — представлял собой рассказ о том, как в Ульяновске по инициативе и на средства городских властей был воздвигнут и торжественно открыт Мост влюбленных и учреждена традиция (известная во многих городах), предписывающая влюбленным или вступающим брак вешать на его перила и балясины замки со своими именами.

Самое ценное в этом вообще весьма увлекательном сообщении, изобиловавшем конкретными деталями, именами, датами, топонимами и сопровождаемом демонстрацией фото- и видеоматериалов, — то, что автор буквально пошагово проследил, как запущенный «сверху» обычай осваивается и разрабатывается, с одной стороны, его «потребителями» — молодыми жителями города, с другой стороны, его «производителями» — брачными агентствами и магазинами, налаживающими выпуск и продажу замков, организаторами брачных торжеств, включающими заезд на мост и вешанье замка в сценарий свадьбы, видеооператорами и фотографами, режиссирующими соответствующие кадры.

В докладе **Михаила Алексеевского** (Москва), озаглавленном «Заводские праздники: традиция и современность», речь шла о трансформациях, которые происходят в наши дни с популярными в Советском Союзе профессиональными праздниками (День машиностроителя, День шахтера, День металлурга и т.п.). В советское время профессиональные праздники градообразующих предприятий фактически выполняли функцию главных городских праздников. С 1990-х гг. конкуренцию им начали составлять Дни города и Дни поселка, которые начали внедряться буквально во всех населенных пунктах. После пе-

рехода экономики на рыночные рельсы многие бывшие коллеги по профессии, работавшие на разных заводах, неожиданно оказались конкурентами. В этих условиях руководители многих крупных предприятий приняли решение вместо советских профессиональных праздников отмечать собственные корпоративные праздники — Дни завода. Важную роль при конкуренции праздников играет финансовая сторона вопроса — предприятие, выделяющее значительные средства на праздник в масштабах всего поселения, укрепляет свой авторитет и статус, наглядно показывая, «кто здесь хозяин». При этом, сочиняя «свой» заводской праздник, его организаторы, как правило, заимствуют формы празднования, популярные в советские годы (праздничный митинг, демонстрация, концерты самодеятельности и т.п.). Хотя в докладе М. Алексеевского было слишком мало примеров и анализа конкретного материала, очевидно, что изучение механизмов внедрения «сверху» новых традиций представляется крайне перспективным направлением в изучении городской культуры.

Два доклада были посвящены представлению и классификации ономастического материала, связанного с городом. **Михаил Красиков** (Харьков, Украина) в своем докладе представил весьма внушительную коллекцию зафиксированных в разные годы вывесок с названиями магазинов, парикмахерских, адвокатских фирм и т.д. Как это чаще всего и бывает, интерес к подобному материалу (особенно характерный для 1990-х гг., когда само явление было внове) не повел исследователя дальше первичной его систематизации по критерию используемого приема (использование антропонимов, топонимов, комбинация латиницы и кириллицы) — то есть, по сути, доклад сводился к перечислению этих приемов с примерами. Кроме того, автор — опытный собиратель, знаток современного фольклора и сленга — почему-то решил применить к этому материалу термин «граффити», в результате чего аудитория не сразу поняла, о чем вообще идет разговор.

Доклад **Марии Ахметовой** (Москва) «Языковая игра в неофициальной городской топонимии» тоже в основном заключался в характеристике и систематизации материала — используемых в устной речи, прессе и сетевом общении альтернативных городских ойконимов типа Питер (Петербург), Ёбург (Екатеринбург), Мончестер (Мончегорск), Убийск (Бийск), Краснодар (Краснодар) и т.п. Интерес к этому явлению произрастает из популярных в последнее время лингвистических разысканий в области, во-первых, языковых игр и, во-вторых, современных локальных языковых вариантов — городских диалектов. В докладе была произведена классификация неофициальных топонимов по распространенности и статусу бытования (тяго-

теющие к общей норме; «легализованные на региональном уровне; свойственные общегрупповому узусу), а также по основным моделям образования (сокращение; морфемно-фонетическое изменение; семантическое изменение).

Единственной ошибкой докладчика, на наш взгляд, было лишь неразличение неофициальных топонимов, используемых в любых формах речи в качестве вариантов названия города без актуализации дополнительных коннотаций (например, «Новосиб» — Новосибирск), и топонимов, представляющих собой как бы «шутку» в свернутой форме, часто тяжеловесных и непонятных без специальных комментариев и если употребляемых, то лишь в интернет-общении и в особых контекстах (например, «КЛМН» — Коломна). В целом картина получилась очень впечатляющей, а систематизация — продуманной и скрупулезно исполненной. Как представляется, это направление исследований очень перспективно для развития урбанистической антропологии и вообще исследований современной культуры, в которой языковым практикам, благодаря развитию коммуникационных технологий, принадлежит чрезвычайно важное место.

Завершая отчет о конференции, хотелось бы упомянуть одно из направлений исследований городской культуры, крайне бедно представленное в докладах. Речь идет об анализе отдельных городских культурных практик, где подробно рассматривается их генезис, история, терминология, типология и т.д. Казалось бы, само многообразие и востребованность этих культурных практик в городской среде должно стимулировать исследовательский интерес к ним, однако лишь два доклада на конференции имели отношение к этому направлению. **Александра Пиир** (Санкт-Петербург) в докладе «“Улетают на кругах — прилетают на рублях”»: городская традиция голубиной охоты» представила своего рода этнографические очерки голубеводства в России и Советском Союзе, уделяя особое внимание не только технической стороне вопроса, но и этическому кодексу голубиных охотников, их подчас непростым взаимоотношениям.

Выступление **Геннадия Богданова** (Москва) «Городские традиционные общественные танцы как предмет изучения и толкования» было не столь информативным по сути, зато острополюемическим по форме. Докладчик обратил внимание на то, что городские общественные танцы совсем не привлекают внимания специалистов по народной хореографии: они не только практически не изучены, но даже толком не описаны. Между тем, традиция городского танца имеет долгую историю, изучение которой могло бы дать не менее интересные результаты,

чем штудии в области архаичных танцев крестьянской культуры. К сожалению, сам доклад Г. Богданова был скорее декларацией о намерениях, на конкретном материале его основные положения проиллюстрированы не были.

Подводя общие итоги конференции, в качестве негативной тенденции приходится отметить большое число описательных докладов. Стремление зафиксировать и каталогизировать новый материал, безусловно, похвально, однако рано или поздно необходимо переходить к его анализу. Впрочем, существует и позитивная тенденция, которая заключается в том, что определенные методологические подходы к изучению городской культуры уже устоялись и доказали свою эффективность на практике. Хотя до сих пор в этой области мы имеем больше вопросов, чем ответов, больше проблем, чем их решений, есть надежда, что ситуация меняется к лучшему. Нам хотелось бы надеяться, что выступления и дискуссии, которые прозвучали на конференции, оказались полезными для всех ее участников и что это в скором времени не только спровоцирует новую волну исследований городской культуры, но и стимулирует методологическую рефлексию их авторов.

Михаил Алексеевский, Михаил Лурье